РЕЕСТР ЗАБЫТЫХ МЕСТ

Картографы Тумана

Книга первая

ИВАН ПОПОВ

Иван Попов

Картографы Тумана. Книга первая

«Автор»
2026

Попов И.

Картографы Тумана. Книга первая / И. Попов — «Автор», 2026

Сто двенадцать лет назад с краёв мира пришёл Туман. Всё, что люди перестают помнить, уходит в него: тропы, мосты, деревни. Иногда — люди.Вольный картограф Ольха Вереск умеет удержать исчезающее место: начертить его железными чернилами, назвать вслух при свидетелях — и Туман отступит. Но за каждое спасённое место она отдаёт одно своё воспоминание. И никогда не знает заранее, какое.Рядом с ней ходит Гордей — великан со светлой бородой и солью на руках. Его никто не может запомнить дольше суток. Никто, кроме Ольхи.Деревня, забывшая слово «завтра». Мост, который сорок лет тайком держали два брата. Старый картограф, отдавший Туману собственное имя. Писарь Канцелярии, который соврал ради чужой деревни. Десять историй, каждую можно читать отдельно, — и одна дорога к городу с синими крышами, которого нет ни на одной карте. Там Ольхе придётся заплатить самым дорогим, что у неё есть.

© Попов И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Деревня, где забыли слово «завтра» 6
Глава 2. Мост, который помнят только двое 12
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Иван Попов
Картографы Тумана. Книга первая

Картографы Тумана. Книга первая
Иван Попов

Глава 1. Деревня, где забыли слово «завтра»

В Пограничье вечер не наступает сам. Его называют.

Когда Ольха с Гордеем спустились от брода к Заречью, над крышами уже стоял печной дым, а у колодца, на старой дубовой колоде, высился староста — плотный, бородатый, с фонарём на вытянутой руке, будто держал им небо. Он выкликал дворы, и дворы отзывались.

— Ткачихин двор!

— Здесь.

— Кузнецов двор!

— Здесь.

Отвечали отовсюду: из-за плетней, с сеновала, из тёмных сеней, откуда пахло хлебом. Так в Пограничье держат землю — голосом, каждый вечер, пока не охрипнешь. Ольха остановилась у памятной доски, где углём были выведены имена всех жителей, и стала ждать. Перекличку не перебивают. Это знает каждый ребёнок, а картограф — тем более.

— Заречье есть! — сказал староста.

И на этом всё.

Люди потянулись по домам, хлопнула калитка, кто-то позвал собаку. А Ольха стояла и слушала тишину там, где должны были прозвучать ещё три слова. Во всех деревнях от Ветлы до северных оврагов перекличку кончают одинаково: «Заречье есть — и завтра будет». Здесь конец будто срезали ножом — аккуратно, по-хозяйски, так что и шва не видно.

Гордей тоже слушал. Только смотрел он не на старосту, а дальше, на крайний плетень у дороги. Тот был светлее прочих — не свежий, не оструганный, а именно светлый, словно его долго полоскали в реке и забыли вынуть.

Староста подошёл, светя фонарём то на тубус у Ольхи за спиной, то в лица.

— Картограф, значит. Мы не звали.

— Потому и пришла.

— А этот?

— Гордей. Со мной ходит. Завтра вы его не вспомните, так что запоминать не трудитесь.

Староста посмотрел на неё долго и честно, как смотрят на человека, сказавшего что-то на чужом языке.

— Когда, говоришь?

Вот тогда Ольха и поняла, куда подевались три слова. Их здесь не выбросили. Их потеряли — как теряют ключ: незаметно, по дороге, пока однажды не окажется, что дверь больше не отпереть.

— Звать тебя как? — спросила она.

— Фрол. Староста я.

— Вот что, Фрол. Деревня ваша бледнеет. Видишь плетень? Через месяц таких будет полдеревни, а к первому снегу вас перестанут находить на дороге. Я могу это остановить.

Фрол посмотрел на плетень, потом на неё. Торговаться в Пограничье учатся раньше, чем бояться.

— Сколько возьмёшь?

— Одно воспоминание.

— Твоё?

— Моё. Какое — не знаю. Туман сам выбирает.

— Дорого, — сказал Фрол, хотя платить было не ему.

— Пока дёшево, — ответила Ольха. — Потом будет дороже.

* * *

Утро вышло ясным, и от этого было только хуже.

На солнце бледность видна, как седина. Ольха шла вдоль дороги и считала: крайний плетень, за ним сарай с выцветшей, когда-то красной дверью, потом колодезный журавль, серый, как пепел. Дальше от края цвет возвращался — ржавые крыши, зелёные ставни, рыжая кошка на заборе. Деревня таяла снаружи внутрь, как кусок сахара в чае.

У калитки последнего двора сидела девочка лет девяти, в материнском платке, завязанном под мышками, и строила из щепок колодец.

— Ты кто? — спросила она.

— Картограф. А ты?

— Дуняша. Фролова внучка.

— Дуняша, а что вы будете делать, когда урожай соберёте?

Девочка нахмурилась. Подумала. Посмотрела на свой щепочный колодец, словно ответ мог быть внутри.

— Соберём, — сказала она наконец.

— А потом?

— Потом соберём, — терпеливо повторила Дуняша, как глупому. — Сегодня соберём. И сегодня.

За соседним забором стучал молоток. Это Гордей с рассвета чинил калитку молодой хозяйке, у которой петли вываливались из гнилого столба. Вчера вечером она сама вынесла ему кружку молока. Сейчас она стояла на крыльце, вытирала руки о передник и смотрела на него с вежливым недоумением.

— Вы чей будете, дядя?

— Ничей, — сказал Гордей и вбил последний гвоздь. — Мимо шёл.

Она кивнула, будто это всё объясняло, и ушла в дом. Гордей подёргал калитку. Та закрывалась ровно, без скрипа. Он улыбнулся ей, как улыбаются старым знакомым.

* * *

До обеда Ольха ходила по дворам и спрашивала. Спрашивать она умела: не про беду, а про всё вокруг неё.

Когда сено косили? По росе, как всегда. Кто последним свадьбу играл? Кузнецов сын, ещё зимой. А на ярмарку в Остров-Брод поедете? Тут люди замолкали и глядели в сторону, как

глядят, когда в разговоре вдруг проваливается пол. Ярмарка была через две недели. Думать о ней было нечем.

Ольха записывала всё в толстую тетрадь на ремне. Её личный реестр — так это называется у картографов. Тот, кто платит памятью, рано или поздно начинает вести записи о себе самом, иначе однажды проснётся чужим человеком.

К полудню она нашла Фрола на гумне.

— Когда перекличку стали кончать на «есть»?

Староста отложил цеп и долго вытирал лицо подолом рубахи. Дольше, чем нужно.

— Весной, — сказал он. — После Саввы.

— Кто такой Савва?

— Сестры моей сын. Марфин. — Фрол помолчал. — Лодку у него на Ветле перевернуло, по большой воде. Он с утра на тот берег пошёл, за сетями. Сказал ей: к ночи не жди, вернусь… — Фрол запнулся, словно споткнулся о порог в темноте. — Потом, сказал. Вернусь потом.

Ольха не стала поправлять. Она уже знала, какое слово сказал Савва.

— И Марфа попросила при ней этого не говорить.

— Попросила, — согласился Фрол. — Мы и не говорили. Жалко ж её. Сперва при ней, потом и без неё, чтоб не вырвалось. Из переклички вынули. Детей отучили. А теперь… — он развёл руками. — Сама слышишь. Нету.

Он сказал это просто, без страха. Как говорят про пропавший топор.

Ночью Ольхе снился город.

Он снился ей и раньше, но не так. Раньше — обрывками: запах мокрой соли, белые горы у воды, скрип телеги. Теперь она стояла на холме, а внизу, до самой реки, лежали крыши. Синие. Не крашеные, а словно облитые стеклом, и каждая горела на солнце своим особым синим огнём. Ольха знала, что если спуститься, то третья улица от реки выведет к дому с зелёной калиткой. Знала так, как знают свою руку.

Она проснулась и сразу, в темноте, на ощупь записала: «Синие крыши. Третья улица от реки. Зелёная калитка». Потом долго лежала и слушала, как Гордей сопит у печи. Название города во сне так и не прозвучало.

* * *

Дом Марфы стоял на самом краю, третьим от выцветшего плетня. На окнах висели чистые занавески, во дворе был выметен каждый угол. Так прибирают люди, у которых больше нет других дел.

Марфа оказалась невысокой, сухой, с тяжёлыми руками ткачихи. Она не пригласила Ольху в дом, но и не прогнала — стояла в дверях и слушала.

— Я знаю, зачем ты пришла, — сказала она. — Брат говорил.

— Тогда ты знаешь, что будет к первому снегу.

— Знаю.

— Я могу закрепить Заречье. Заплачу сама. Тебе это ничего не будет стоить.

Марфа покачала головой — медленно, будто голова у неё была очень тяжёлая.

— Не будет, говоришь… Закрепишь — и всё пойдёт как прежде. Снова начнут на ярмарку собираться. Свадьбы планировать. Дома строить. «Потом», «потом»… — Её губы дрогнули на слове, которого она не могла сказать, да и не хотела. — А Саввы нет. И как будто не было. Деревня дальше пойдёт, а он там, на Ветле, останется.

— Деревня уходит в Туман, Марфа. Вместе с тобой. Вместе с памятью о нём.

— Значит, вместе, — сказала Марфа и закрыла дверь.

Ольха постояла на крыльце. Без согласия жителей закрепление не держится: нужны трое свидетелей, которые помнят место и хотят, чтобы оно было. Свидетелей она найдёт. Но если против встанет та, ради кого деревня всё это сделала, — Заречье может не удержаться даже за её цену.

А Гордей тем временем уже сидел на Марфиной завалинке и чистил картошку из её же ведра. Как он там оказался, Ольха не видела.

* * *

Марфа вышла к нему через час — должно быть, услышала, как кто-то гремит её чугунком.

Незнакомый мужик, рослый, со светлой бородой, сидел у её печки, которую сам и растопил, и помешивал суп. На руках у него, от запястий до локтей, белели мелкие крапины, будто его когда-то обсыпали солью и она въелась в кожу.

— Ты кто такой? — спросила Марфа без страха. Страх у неё весь вышел ещё весной.

— Гордей. Я с картографом.

— Не видала тебя.

— Видала, — сказал он мирно. — Утром. Ты мне ведро дала. Это ничего, меня никто не помнит. Садись, остынет.

Она села — больше от удивления, чем от голода. Суп был простой, картошка с луком и сушёными грибами. Марфа съела ложку, потом ещё одну и поняла, что не ела по-человечески с самой весны.

— Как это — никто не помнит?

— Я из Тумана вышел, шесть лет тому, — сказал Гордей. — Ни имени, ни дома, ни матери не помню. А меня люди забывают, как поспят. Одна она помнит. — Он кивнул на окно, за которым ходила Ольха. — Заплатила за это.

— Чем?

— Дорогим чем-то. Это она сама скажет, если захочет. Не моё.

Марфа положила ложку.

— Зачем?

Гордей пожал плечами — широко, всем телом.

— Говорит, чтоб хоть кто-то помнил. Человека, которого никто не помнит, всё равно что нет.

Они помолчали. Где-то за огородами начало смеркаться — рано, по-осеннему, и сумерки эти шли со стороны выцветшего плетня.

— Он обещал, — сказала вдруг Марфа. Не Гордею — столу, ложке, печке. — Сказал: вернусь. Сказал то самое слово. Если оно есть, слово это, — значит, он мне соврал. А он никогда мне не врал. Ни разу.

Гордей долго думал. Он вообще думал медленно, как будто каждую мысль сначала ощупывал руками.

— Он не соврал, — сказал он наконец. — Он не успел.

Марфа заплакала. Впервые с весны — не тихо, как плачут на людях, а в голос, уткнувшись в тяжёлые свои руки. Гордей не утешал. Он подложил в печь полено и сидел рядом, пока она не выплакалась.

К утру она забудет, кто сидел у её печи. Но слова — не человек. Слова остаются.

* * *

Туман пришёл к полуночи.

Он не наползал, как наползает речной туман, — он просто оказался у околицы, будто стоял там всегда и лишь теперь решил показаться. Белая стена без запаха и звука. Выцветший плетень уже был внутри неё. Красная дверь сарая — тоже.

Фрол собрал людей у колодца. Говорить им ничего не пришлось: все и так видели. Матери прижимали детей. Кузнец стоял с топором, словно Туман можно было рубить.

— Перекличку, — сказала Ольха. — Сейчас. Громко.

Фрол влез на колоду. Голос у него сорвался на первом же дворе.

— Ткачихин двор!

Тишина. Ткачихин двор был третьим от края — уже наполовину белым.

— Здесь, — сказала Марфа.

Она стояла позади всех, в накинутом платке. Потом вышла вперёд, и люди расступились — так расступаются перед вдовой и перед бедой. Марфа поднялась на колоду рядом с братом. Колода была узкой, и Фрол взял сестру под локоть.

— Кузнецов двор! — крикнула Марфа сама.

— Здесь!

— Мельников двор!

— Здесь!

Она прошла все сорок дворов. Голос у неё был низкий, ткацкий, привыкший перекрикивать стук станка. А в конце она замолчала — так надолго, что Ольха успела подумать: не скажет.

— Заречье есть, — сказала Марфа. — И завтра будет.

Слово упало в толпу, как камень в воду. Кто-то повторил его — неуверенно, по слогам, как ребёнок пробует новое. Потом ещё кто-то. Дуняша сказала его громче всех и засмеялась, сама не зная чему.

Туман у околицы дрогнул. И остановился. Но не отступил.

Ольха поняла почему. Слово вернулось к людям, но не к земле: полгода деревня жила без будущего, и земля привыкла. Одним вечером такое не отмолишь.

Она уже стояла у памятной доски, с тубусом, раскрытым на коленях. Железные чернила с солью легли на бумагу чёрной, тяжёлой линией: река, брод, колодец, сорок дворов, выцветший плетень — тоже, всё до последнего кола.

— Свидетели, — сказала она. — Трое.

— Я, — сказал Фрол.

— Я, — сказала Марфа.

— И я! — Дуняша протиснулась между взрослыми.

Ольха встала и назвала его — полным именем, как называют место в первый и последний раз:

— Заречье, что за Ветлой, сорок дворов. Есть — и завтра будет.

Что-то холодное прошло сквозь неё — от макушки до пят, как сквозняк через открытый дом. И что-то вынесло с собой. Она не знала что. Это всегда так: дверь открылась и закрылась, а что пропало, узнаешь потом.

Туман отошёл от околицы шагов на сто и лёг на поле, как собака, которой велели ждать.

* * *

Утром Ольха сидела на Фроловом крыльце с тетрадью на коленях. Деревня за её спиной гремела вёдрами, кто-то спорил с соседом, когда ехать на ярмарку. Крайний плетень был всё ещё серым, но на нём уже сидела рыжая кошка, а значит, плетень был.

Ольха написала: «Заречье, что за Ветлой. Закреплено. Свидетели: Фрол, Марфа, Дуняша. Заплачено: не знаю». Подумала и добавила: «Проверить».

Гордей вынес ей кружку с горячим отваром и сел рядом. От него пахло дымом и чужим супом.

— Хорошее место, — сказал он. — На ту мельницу похоже. У Кривого брода.

— Какую мельницу?

— Ты рассказывала. Первое твоё место. Ты там ещё девчонкой почти была, руки от чернил неделю не отмывала. Мельник тебе за это мешок муки дал, а ты его до Остова на себе тащила, потому что гордая.

Ольха смотрела на него. Гордей смотрел на неё. Потом медленно перестал улыбаться.

— Не записано, — сказала Ольха.

Она открыла тетрадь на последней странице и вывела ровно, без нажима: «Мельница у Кривого брода. Первое закрепление. Мешок муки. Со слов Г.». Потом закрыла тетрадь и некоторое время держала на ней ладонь, как держат руку на лбу у больного.

— Ничего, — сказала она. — Деревня больше мельницы. Честный обмен.

Гордей не ответил. Он знал, когда она говорит правду, а когда — так, чтобы было что сказать.

От колодца к ним бежала Дуняша, босиком по холодной траве.

— Тётя картограф! Деда спрашивает, вы завтра уйдёте или останетесь? — Она выговорила новое слово с удовольствием, по слогам, как леденец. Потом заметила Гордея и остановилась. — Ой. А тебя как зовут?

— Гордей.

— А ты чей?

— Её, — сказал Гордей и кивнул на Ольху.

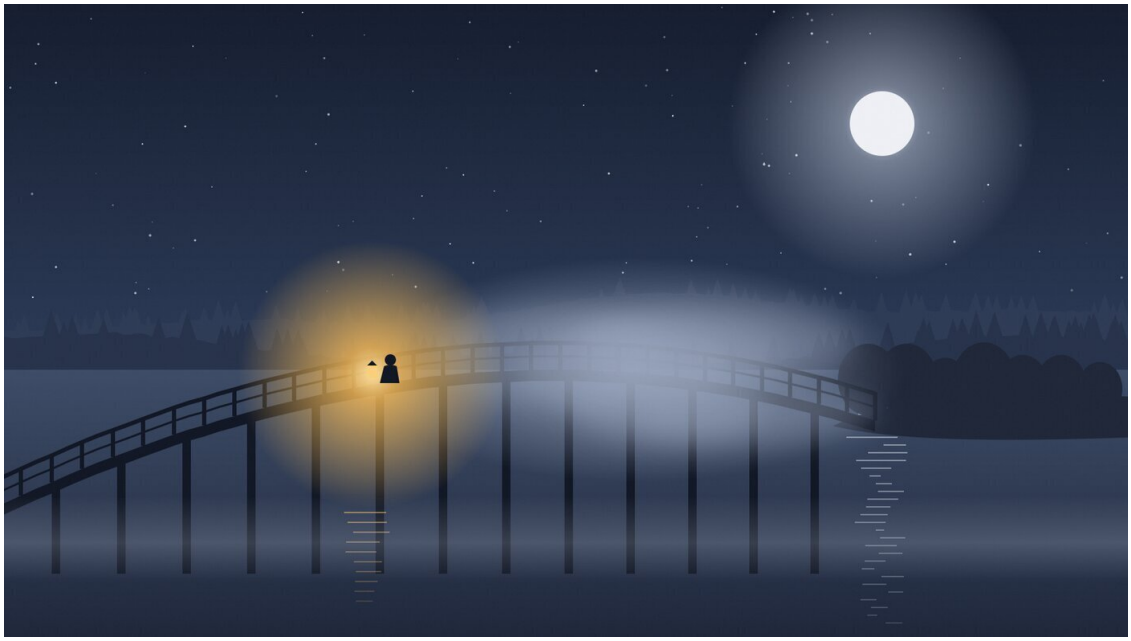
Дуняша убежала с ответом. Гордей допил отвар и, глядя на реку, тихо, не размыкая губ, стал напевать — что-то медленное, качающееся, похожее на колыбельную. Ольха слышала эту мелодию много раз. Сегодня у неё отчего-то защемило под рёбрами.

— Что это? — спросила она.

— Не знаю, — сказал Гордей. — Само поётся.

Ольха открыла тетрадь на ночной записи. «Синие крыши. Третья улица от реки. Зелёная калитка». Посмотрела на реку, которая уходила на юг, в белое. И впервые за много лет подумала, что у неё, кажется, тоже есть место, которое кто-то забыл.

Глава 2. Мост, который помнят только двое

Писарь Ян Остужев шёл за картографом третий день и третий день не мог понять, с кем она разговаривает.

Каждый вечер он аккуратно заносил в тетрадь: «О. Вереск, вольный картограф, без лицензии. Сопровождает мужчина, рослый, борода светлая». Каждое утро он перечитывал записи и спотыкался на этой строке. Какой мужчина? Картограф ходила одна. Он видел это своими глазами. Вот и сейчас она шла по дороге к Займищу одна, только тень на обочине почему-то была шире, чем полагается одной женщине.

Ян решил, что недосыпает.

В трактире у Займища он сел в самый угол, раскрыл тетрадь и заказал щей. Щи принесли, а вместе со щами к нему за стол села картограф — без спроса, как садятся к старому знакомому.

— Канцелярия? — спросила она.

Ян покраснел до ушей. Синий форменный кафтан, перо за ухом, чернильница на шнурке — кто бы сомневался.

— Канцелярия Реестра, — сказал он с достоинством. — Писарь второго разряда. Имею предписание наблюдать за деятельностью картографов без лицензии и докладывать о незаконных закреплениях.

— Наблюдай, — разрешила Ольха. — Только щи доешь, остынут.

И ушла. А Ян так и остался сидеть, глядя ей вслед. Рядом с ней в дверях на миг мелькнула широкая спина. Он моргнул — и спины не стало.

* * *

За картографом прислали ещё до обеда. Мальчишка-посыльный бежал от самого берега и кричал на всю улицу, что дед Елизар помирает и зовёт картографа, а больше никого не зовёт.

Елизар лежал в избе у самой воды, на широкой лавке, укрытый двумя тулупами. Старик был огромный даже теперь, высохший, как дерево после пожара. Руки у него были плотницкие, в шрамах и старых мозолях.

— Мост видела? — спросил он вместо приветствия.

Ольха видела. От берега к Вдовьему острову, где за ивами белели старые кресты, шёл деревянный мост — горбатый, на дубовых сваях. Ближний пролёт был тёмный, крепкий. Дальше перила светлели, будто их год за годом посыпали мукой. А середина моста уже стояла в белом, и непонятно было, есть ли там доски.

— Видела.

— Отец его строил, — сказал Елизар. — Там и лежит, на острове. Сорок лет как. Помирал — велел держать. Я и держал. Каждую весну сваи смотрел, каждую осень доски менял. Один.

Он закашлялся. Ольха подождала.

— Новый-то мост внизу видала? Каменный, канцелярский. Десять лет как поставили. Все туда и ходят. А на остров по новому не попадёшь. Вот и забыли люди наш. Кроме меня. — Старик повернул к ней голову. — Я помру, и он помрёт. И отец там останется, в тумане, один. Закрепи его, картограф.

— Мне нужны трое свидетелей, — сказала Ольха. — Трое, кто помнит мост и хочет, чтобы он был. Ты один.

— Тишку спроси, — сказал Елизар и отвернулся к стене. — Брат мой. Тоже помнит. Только не захочет. Ему этот мост никогда нужен не был.

* * *

Тихон жил на другом конце деревни, в избе с резными наличниками, и встретил Ольху на крыльце с топором в руке — колол дрова. Был он меньше брата и злее, с жёсткой седой щетиной и быстрыми глазами.

— Знаю, зачем пришла, — сказал он, не дав ей открыть рот. — Нет.

— Он умирает.

— Знаю, что умирает. — Тихон поставил полено на колоду и разрубил его с одного удара. — Сорок лет мне в глаза не смотрел, а теперь помирает. Пусть тонет его мост. Туда ему и дорога.

— Там ваш отец.

Топор замер в воздухе. Потом опустился — мимо полена, в колоду, и застрял.

— Уходи, картограф, — сказал Тихон тихо. — Добром прошу.

Ольха ушла. На краю деревни она обернулась: старик стоял над колодой и не вынимал топора. Просто стоял.

* * *

Гордей по ночам спал плохо. Шесть лет назад он вышел из Тумана ночью и с тех пор в темноте чувствовал себя спокойнее, чем днём: в темноте никто не смотрит на тебя как на незнакомца.

К полуночи он спустился к реке. Над водой висела тонкая белая дымка, и в ней, на середине Горбатого моста, покачивался огонёк.

Гордей пошёл на огонёк. Доски под ногами были мягкие, почти неслышные, — так ступаешь по снегу. Перила, за которые он держался, под ладонью то были, то будто не совсем.

На середине моста, там, где днём стояло белое, на коленях сидел Тихон. Рядом стоял фонарь, лежали гвозди, свёрнутые в тряпицу, и молоток. Старик менял доску — новую, ещё пахнущую смолой.

— Кто тут? — Тихон вскинулся, перехватил молоток.

— Гордей. Мимо шёл.

— Ночью? По этому мосту?

— Не спится.

Тихон долго светил ему в лицо фонарём. Потом опустил его.

— А, — сказал он. — Ты тот, что с картографом. Мальчишки говорили — при ней ходит один, которого никто не помнит. — Он усмехнулся. — Значит, завтра ты меня и не вспомнишь?

— Это меня не вспомнят, — поправил Гордей. — Я-то помню всех.

— Всё одно. — Тихон махнул рукой. — Держи-ка доску.

Гордей держал. Тихон забивал гвозди — по три на край, по-старому, наискось. Работал он быстро и точно, как человек, который делал это много раз.

— Давно чинишь? — спросил Гордей.

— Сорок лет. — Тихон вбил последний гвоздь и сел на пятки. — Каждую ночь, как он спать ляжет. Что днём не успел — я ночью. Свая на той стороне подгнила, он не видит, а я вижу. Перила с острова — мои. Он думает, сами держатся.

— А почему ночью?

Старик долго молчал. Внизу, под досками, шла чёрная вода, и было слышно, как она трогает сваи.

— Отец помирал, — сказал Тихон. — Сказал: держите мост. А я молодой был, дурной. Сказал при нём: да брось ты, батя, кому он нужен, этот остров, его каждую весну топит, денег на него не напасёшься. При нём сказал. А он через час помер. Елизар мне тогда так и сказал: ты его убил. Может, и правду сказал. — Тихон поднял фонарь, посмотрел на остров, на белые кресты за ивами. — Я с тех пор ему в глаза не смотрю. Как посмотришь, когда ты такое сказал? Вот и чиню. Ночью. Словами-то не вышло извиниться. Гвоздями выходит.

Он встал, кряхтя, собрал инструмент.

— Ты это… — сказал он, уже уходя. — Хорошо, что ты завтра меня не вспомнишь. Я сорок лет никому не говорил.

Гордей не стал его поправлять.

* * *

Утром он рассказал всё Ольхе — на крыльце, пока закипал котелок. Ольха слушала, не перебивая, и смотрела на мост.

— Он сказал это тебе, — сказала она наконец. — Потому что думал, что ты забудешь.

— Я помню.

— Вот именно. — Ольха потёрла лоб. — Если я пойду к Елизару и перескажу, это будет нечестно. Тихон доверился тому, кто не сможет его выдать.

— Значит, не пересказывай, — сказал Гордей и снял котелок с огня. — Покажи.

Ольха посмотрела на него. Потом — через улицу, на трактир, где у окна маячил синий кафтан.

— Нам нужен ещё один человек, — сказала она. — Нести носилки.

Писарь Ян Остужев, когда к нему подошли с этим предложением, сначала решил, что над ним смеются. Потом — что его заманивают в ловушку. Потом посмотрел на рослого светлобородого мужика, стоявшего рядом с картографом, и спросил:

— Простите, а вы кто?

— Гордей, — сказал Гордей. — Мы знакомы. Ты вчера на меня в окно смотрел.

Ян открыл рот. Закрыл. Достал тетрадь, полистал, нашёл строку про рослого мужчину со светлой бородой — бледную, как будто чернила развели водой.

— Носилки, — сказал он слабым голосом. — Хорошо. Только это не значит, что я одобряю незаконную деятельность.

* * *

Елизара несли к реке за полночь. Старик ругался шёпотом и называл их дураками, но не сопротивлялся. Гордей держал носилки спереди, Ян сзади. Писарь пыхтел, спотыкался в темноте и один раз чуть не уронил свой край, но молчал. Ольха шла впереди с фонарём.

На берегу она погасила фонарь.

На середине моста, в белой дымке, покачивался другой огонёк. И слышно было, как над водой, по три удара на гвоздь, стучит молоток.

Елизар приподнялся на локте. Долго смотрел. Ольха видела, как у него дрогнул подбородок.

— Несите, — сказал он хрипло.

Мост принял их тихо. Доски под ногами были то твёрдые, то мягкие, будто идёшь по тонкому льду. Ян вцепился в носилки и старался не смотреть вниз, туда, где за перилами начиналась белая пустота. Ольха шла первой, держалась за перила обеими руками и вниз не смотрела совсем.

Тихон услышал шаги, обернулся — и выронил молоток. Тот звякнул о доски и укатился в туман. Всплеска не было.

Братья смотрели друг на друга. Носилки поставили на мост. Никто ничего не говорил. Туман поднимался от воды, уже был по колено, уже по пояс, и молоток Тихона исчез в нём окончательно.

— Сорок лет, — сказал наконец Елизар. — Сорок лет, Тишка. А я думал — сваи сами держатся.

— Не сами, — сказал Тихон.

— Дурак ты.

— Дурак, — согласился Тихон. — Ты прости меня, брат. За батю. Я не хотел тогда. Я не думал.

Елизар протянул руку. Тихон сел рядом с носилками прямо на мокрые доски и взял эту руку обеими своими. Так они и сидели.

Ольха раскрыла тубус.

— Свидетели, — сказала она. — Трое. Кто помнит этот мост и хочет, чтобы он был.

— Я, — сказал Елизар.

— Я, — сказал Тихон.

Пауза затянулась. Туман дошёл до плеч. Ян Остужев, писарь второго разряда, стоял с пустыми руками и понимал, что сейчас на его глазах совершится то самое незаконное закрепление, о котором ему предписано доложить. И что если он промолчит, закрепления не будет. И моста не будет. И двух стариков, может быть, тоже.

— Я, — сказал Ян. Голос сорвался, он кашлянул и повторил твёрже: — Я. Я по нему сегодня шёл. Значит, помню.

Ольха кивнула. Железные чернила легли на бумагу: берег, сваи, горбатый пролёт, остров, кресты за ивами.

— Горбатый мост, что на Вдовий остров, — сказала она. — Отцом строен, сыновьями держан.

Холод прошёл сквозь неё — от макушки до пят — и унёс что-то с собой. Туман дрогнул, опал и стёк с моста вниз, в чёрную воду, как молоко с края кружки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.